

РАЗРЕШЕННЫЙ ВЫСОЦКИЙ

В 1988-м по случаю 50-летия Высоцкого «Литературная газета» заказала мне текст. Это был очень лестный заказ, хотя в то время я уже был не безработный, как предыдущие восемь лет, а обозреватель «Московских новостей» — лучшей и самой знаменитой газеты того времени.

Это было в СССР. Никакими «россиянами» еще не пахло. Был КГБ СССР, было Политбюро ЦК КПСС, был «лит» (так тогда называлась цензура; «получить лит» означало получить разрешение на публикацию). Но уже «дул ветер перемен». Из безработных получались обозреватели, а Высоцкий посмертно получил Госпремию. Это было, безусловно, хорошо. Но почему-то малость противно.

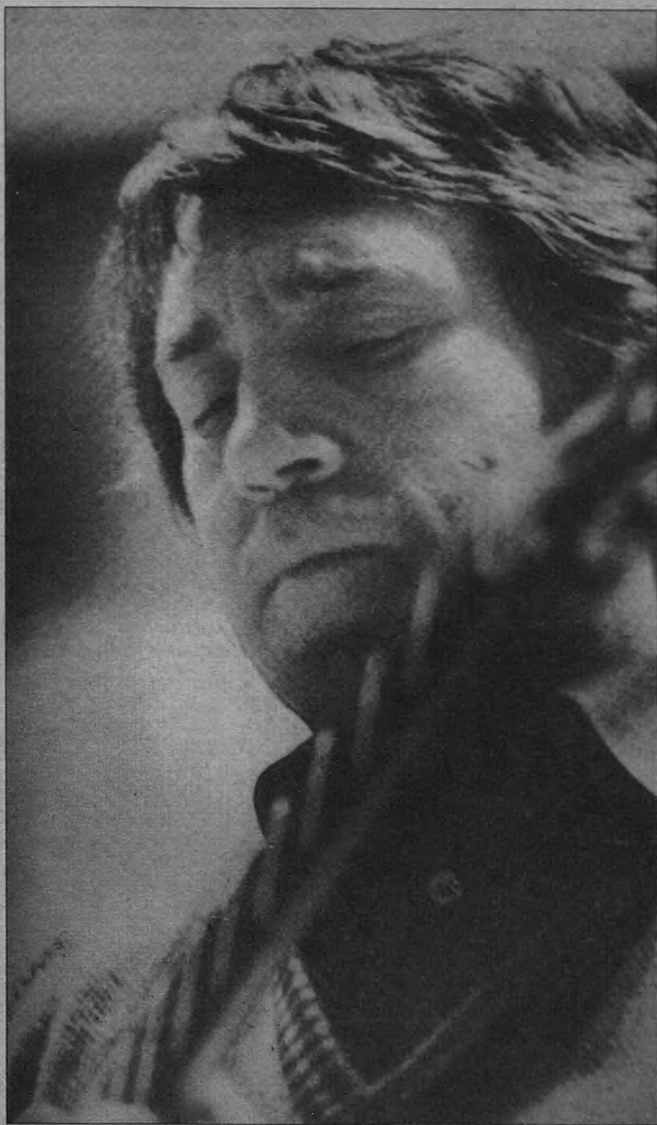
Текст «Литературка» прочла, одобрила и отправила в набор. Вышли гранки, я внес правку, кто запретил публи-

кацию — не знаю. Это не могло случиться по чьей-то прихоти. Чтобы статью набрали в типографии, на ней должны были быть визы заведомо и того заместителя главного редактора, который ведет данный номер. И раз статью набрали — значит, одобрение редакционного начальства, безусловно, имелось.

В 1988-м мы чувствовали себя уже на свободе. Глядя из 2000-го, понимаешь, как мало тогда было свободы.

Тогда ее было мало, а радовались мы много. А сейчас ее полно, а радости не видать. Свободу дали всем, но настоящему воспользовались ею только бандиты и олигархи. Ни одного поэта не появилось! Ни одного хоть сколько-нибудь равного Высоцкому, Галичу, Окуджаве.

...Перед вами статья двенадцатилетней давности с сегодняшними примечаниями

УРОКИ ОДНОГО ЮБИЛЕЯ

«ТИШИНА НАДО МНОЙ РАСКОЛОЛАСЬ...»

Четыре строчки.

Читайте очень медленно. Очень вдумчиво.

*Самовластный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу!
Твою погребель, смерть детей
С жестокой радостью вижу!*

Каково было такое читать государю?*

И вообразите положение Жуковского! Как защитник?

С одной стороны — «солнце русской поэзии».

С другой — ни в какие ворота не лезет.

По-нынешнему — непубликабельно.

И ведь много такого. Много! «Гаврилада» ждала до XX века. «Бориса Годунова» не ставили до...

А государь поступил, как ангел. Долги заплатил (140 000), и сочинения издал в пользу семьи, и за учебу детей заплатил, и Михайловское выкупил. Итого — сумма в несколько раз больше нашей Госпремии. И все это — сразу после смерти. Буквально на следующий день.

А теперь, читатель, оглянься вокруг себя. Только что прокатился вал юбилейных затей по поводу 50-летия Владимира Высоцкого. Всего семь лет как умер, и — Госпремия, гала-концерты, грампластинки, книги, телесериалы, портреты, скульптуры, сотни статей и — венец официального признания — настенные календари с фотокартонкой напечатаны и парохом названы. Верю — будут и сумки, и майки. Не удержимся.

Особняком — спектакль Таганки.

Первая особенность — не сегодня.

На следующий день после смерти — задумали. В 1981-м поставили. 25 июля, в первую годовщину, несмотря на строжайший запрет — сыграли. Это сейчас слава — не хочу. А я помню заблокированную площадь, кольцо из барьеров, сержантов, автобусов, запертый выход из метро. Будто не театр на площади, а четвертый блок.** И каждого, кто туда, надо проверить, и — хорошо бы —

кто оттуда. Кто оттуда выходил — нес радиацию, для склероза*** смертельную. И склероз это понимал. И шапка на нем горела — десять тысяч кокард.

Теперь спектаклю почти не препятствовали. Разве что пару строк убрали да с текстом афиши заминка вышла из-за того, что ставил тогда, в 1981-м, Юрий Любимов и сегодня просто неприлично делать вид, будто этого не было.****

Вторая особенность спектакля — он показывает всего Высоцкого. Книжки и пластинки дают очень ограниченное количество текстов. Дело даже не в числе. Дело в темах. Спортивные, военные, даже философские — уже печатаются и звучат. А блатных не ищите — нету. И не потому, что не успели записать или не нашли.

А потому, что страшно. Страх этот необъясним. Вся страна знает «Нинку», половина строк вошла в пословицы, а напечатать бояться. Почему? Пошлость, говорят. Непристойность.

*Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон — умом ее страшая,
Дамис — за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?*

Разве это приличнее строк

*Ах, что мне делать с этой
Нинкой!
Она спала со всей Оргынькой.*

«Неприличные» стихи Пушкина печатаются многомиллионными тиражами. А ведь «имел» гораздо грубее, чем «спала». Ужели и в поэзии есть уголовный кодекс, а в нем статья о сроке давности? Только совсем уж непозволительные и матерные слова в стихах Александра Сергеевича заменяются соответственным числом черточек, и школьники с огромным удовольствием решают эти несложные для русскоязычного человека кроссворды, пользуясь подсказкой рифмы, ритма и контекста.

*Ты помнишь ли,
как всю пригнал Европу
На нас одних ваш
Бонапарт-буян?
Французов видели тогда мы
многих ----*

Тоже мне бином Ньютона. Да другой рифмы и нету.

В спектакле Таганки «Нинку» поют. Поет главный режиссер Николай Губенко — и делает это безукоризненно и блестяще: с иронией, с любовью, целомудренно и со смаком. Ведь это — о настоящем чувстве. Ведь слова «а мне плевать, мне очень хочется» произносит московский кавалер де Грие, который знает о своей Манон все самое ужасное, но...

*Сегодня жизнь моя решается —
Сегодня Нинка соглашается!*

Госпремию, выходит, дать легче, чем песенку напечатать... Кстате, скажем здесь о Госпремии, чтоб больше к ней не возвращаться. Сам факт далеко не всех обрадовал. В нем явно есть что-то от стыдливой попытки замазать грех. Откупиться, а не покаяться. Тем же отдает нынешний прием Пастернака в СП. Почет ли это для него, пребывающего в местах столь отдаленных от нашей суеты? Сомневаюсь. И если нам захотелось справедливости, то логичнее было бы (по пророчеству другого изгнанника) «поименно вспомнить всех, кто поднял руку». Хотя бы опять-таки покаяться. Нет. Тогда — выгнали, сегодня — приняли. Протоколы подшили, резолюции подкололи. Хоть бы покраснели.

И Высоцкий премирован. Но за что? У премии странная формулировка. За Жеглова. Жеглов — прекрасная роль, но не она главное в наследии Высоцкого! Как, интересно, Маяковскому пришлось бы премия за «Нигде кроме как в Моссельпроме»? Уверен: оскорбился бы.

Таганка, восстановив спектакль, поступила принципиально.

Построено все на «Гамлете». Это была лучшая роль Высоцкого. Принц Датский и принц Таганки слились. И вот его нет. А все осталось: Гертруда — Демидова, Горацио — Филатов, Офелия — Сайко... Они говорят с ним, и принц отвечает. Его хриплый голос звучит оттуда, откуда никто не возвращался: «Покайтесь в

содеянном и берегитесь впредь». Мелкая дрожь скрываемого страха трясет Короля — Смехова:

*Что он на воле —
вечная опасность
Для нас, для вас,
для каждого, для всех!
Пора забыть в колодки
этот ужас,
Гуляющий на воле...*

Мотив спектакля теперь несколько иной. Тогда, в 1981 году, — почтить память, показать масштаб потери. Сейчас — сопротивление канонизации, протест против мумифицирования.

*Я люблю вас,
но живого, а не мумию!
Навели хрестоматийный глянец!*

Это Маяковский о Пушкине. Это Таганка о Высоцком.

Какие параллели судеб! Маяковский ненавидел бронзы многолюдье, а стоит на площади. И его, введенного, «как картошку при Екатерине» (Пастернак), ненавидят уже несколько поколений, зубривших в обязательном порядке «Я волком бы выгрыз бюрократизм!». Гениальные бюрократы сделали знание этого, их клеймящего, стихотворения непереносимым условием получения аттестата. И тем украли у людей гениального поэта. Ибо любовь не переносит насилия.

Воруют и Высоцкого. Пришлось уже писать, как ошеломила меня радиостанция «Юность», сообщив: «Мы передавали песни лауреата Государственной премии СССР Владимира Семеновича Высоцкого и стихи Александра Блока». «Владимир Семенович» — это чудовищно.

Помню панихиду. Сдерживая рыдания, говорили Любимов, Золотухин, Ульянов... Володя, говорили они, Владимир... И только чиновнику — тогдашнему начальнику управления культуры Моссовета, читавшему по бумажке, как «мы ценили его дарование», — только ему хватило ума и такта назвать Высоцкого «Владимиром Семеновичем». Услышав эту фальшь, услышав эту казенщину, зал то ли зарычал от ненависти, то ли застонал от боли. А теперь — прав оказался чиновник — перед нами почтеннейший «Владимир Семенович». К нему не подступишься. В раззолоченных залах ему цашки вручают. Простым смертным начинает его не

хватать. И в школьные программы введут. Адаптированного. А главное — он все это предсказал:

*Я при жизни был рослым
и стройным,
Не боялся ни слова, ни пули
И в привычные рамки не лез —
Но с тех пор, как считаюсь
покойным,
Охромил меня и согнули,
К пьедесталу прибав ахиллес.*

*Я хвалился косою саженью —
Нате, смертель!
Я не знал, что подвергнусь
суженью
После смерти...*

*А потом, по прошествии года —
Как венец моего исправленья —
Крепко сбитый литой монумент
При огромном скопленье народа
Открывали под богрое пенье —
Под мое — с намагниченных лент.*

*Тишина надо мной раскололась —
Из динамиков хлынули звуки,
С крыш ударил
направленный свет.*

*Мой отчаяньем сорванный голос
Современные средства науки
Превратили в приятный фальцет.*

*Саван сгинули — как я обужен —
Нате, смертель!
Неужели такой я вам нужен
После смерти?!*

Видите, только в сроке ошибся. Думал — через год, а мы семь лет раскачивались. Да еще спасибо, что раскачивались. Но стал ли В. В. ближе? Стало ли теплее от торжеств?

Поднимает ли поэта пьедестал? Тележрежиссеры находят песни Высоцкого скучными. Его, правда, пока не вращают вверх ногами, не делают на десяток Вовочек, не обвивают электронно-компьютерным серпантинном, не окулируют дымом, не подсвечивают лазерным нимбом (или я что-то пропустил?). Но камера суетится. Напыляет, отплевывает, и в этом что-то столь чуждое Высоцкому!.. А когда камера устала на В. В. сверху вниз, я обомлел — чужое лицо! Вся жизнь я глядел на него или прямо, или снизу вверх — из партера на сцену. Сверху — был не он. Пошлый наглый Ракурс хотел быть главным в передаче, главное Высоцкого. И получилось...

Наверное, это плохая статья. Непонятно о чем. Но кругом так много прекрасных, понятных статей. Пусть будет одна плохая.

● Александр МИНКИН

*Представьте, такое о себе и своих детях прочли бы Ельцин, Путин...

**В 1988-м для всех слова четвертый блок означали чернобыльскую ядерную катастрофу.

***Брежнев, Политбюро и пр.

****Любимов еще не вернулся из эмиграции, еще не был прощен, с афиш спектаклей Таганки его имя было снято.

Владимир Высоцкий
20.07.2000